

18+

Мария Макеева

Учат в школе

Со всем непедagogичная история

Мария Макеева
Учат в школе. Совсем
непедагогичная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51847553

ISBN 9785449852052

Аннотация

Она мечтала стать знаменитой певицей. Однако осуществить мечту не удалось. Смирившись с первым поражением, героиня идет работать в обычную школу. Здесь с ней постоянно происходят смешные и нелепые истории, виновником которых является простой человеческий фактор. Иногда – учителей, иногда – учеников. Ведь все живые люди, и даже великим педагогам свойственно ошибаться. Главное, допустив ошибку, быстро ее исправить. Именно это успешно удастся героям произведения «Учат в школе».

Содержание

Глава 1. Своих не сдаю	5
Глава 2. Встреча с депутатом	9
Глава 3. Знакомство с Валькой	13
Глава 4. Челендж на асфальте	18
Глава 5. Школа преобразается	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Учат в школе
Совсем непедагогичная
история
Мария Макеева

© Мария Макеева, 2020

ISBN 978-5-4498-5205-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Своих не сдаю

Утро в редакции для меня всегда было одиноким. Творческие люди не могли так быстро, после дороги по пробкам в офис, заставить себя включиться в писательский процесс. Нужно было зарядиться вдохновением и поделиться ночными новостями перед началом рабочего дня. Поэтому пришедшие в офис бросали сумки на свои места, и разбредались кто куда. Журналисты – на балкон, курить. Редактор Илья традиционно пить кофе в кафе напротив. Уж не знаю, что ему там наливали, но пил он всегда долго, не менее двух часов. И только я одна оставалась за компьютером в кабинете, создавая видимость бурной работы. А на самом деле писала подружке письмо. О том, что меня взяли работать в крутое издательство, правда, пока на испытательный срок. Что я очень хочу достойно показать себя и стать полноправным сотрудником редакции. Но была одна загвоздка. Тексты мне писать пока так и не давали. Все приглядывались, принюхивались. Я упорно сидела в редакции. Даже курить не ходила, показывая, что не транжирю бесценное рабочее время на ненужные привычки. Хотя курить очень хотелось. Дверь распахнулась, и в кабинет вошел шеф. Обычно он никогда с утра не заходил так рано с проверками. Эту функцию выполняла секретарь, которая по наличию сумок на столах отмечала присутствующих на работе. А через час – опоздав-

ших на нее.

– Где все? – вместо приветствия спросил меня шеф.

Я пожалала плечами. Стучать на коллег никогда не входило в мои принципы. Да и неприлично, работая всего две недели, становиться услужливой в таком пустяке.

– Еще раз спрашиваю, куда все делись?

Я снова пожалала плечами, тихо радуясь, что в глазах шефа оказалась самой прилежностью. Не бегаю курить, сижу на рабочем месте и даже что-то пишу. Хорошо хоть он не видел что.

– Илья совещание, что ли проводит?

Я в третий раз пожалала плечами, с опаской, что мое безмолвное поведение уже может вызвать гнев директора.

– Ты хоть разговаривать умеешь? – слава богу, он сменил тему.

– Да, – уверенно ответила я.

– Это уже успех для журналиста, – сказал шеф и вышел из кабинета.

Как только его шаги стихли, редакция стала наполняться. Попахивая свежим дымком, вбежали журналисты. Быстро сели за компьютеры, будто и не выходили никуда. Раньше своего традиционного времени появился Илья. Видать, кто-то позвонил предупредить, что его разыскивает шеф. И как только все расселись, в кабинет зашла Татьяна Павловна. Препротивная тетка, менеджер по продажам рекламных текстов и правая рука директора. Она ненавидела жур-

налистов, считая их нахлебниками и прихлебателями, которые не приносили в редакцию деньги, но зато с завидным упорством требовали заработную плату. Журналисты отвечали ей тем же, наградив лаконичной кличкой «Падловна». Сейчас она махала перед редакцией заявкой на рекламный текст.

– Я продала статью известному депутату Владимиру Николаевичу Михееву, – наигранно по-деловому сообщила она. – Поэтому требую, чтобы на встречу с депутатом мне назначили самого лучшего журналиста, а не абы кого.

Под «абы кем», скорее всего, Падловна подразумевала меня. Она сразу и бесповоротно пропиталась ко мне ненавистью, просто так, без повода.

– Хотя журналисты у нас все упасть и не встать, – продолжала Падловна. – Читала я ихние тексты, это же ужас! Любой ребенок напишет гораздо лучше, чем это скопище бездарей!

Неизвестно сколько еще длилась бы ее тирада, но Илья прервал громким стуком ладони по столу.

– Хватит, – сказал он. – Хватит говорить о коллегах так, будто их здесь нет. И принижать достоинства редакции. В конце концов, мы делаем одно общее дело.

– Да я же доношу, чтобы со мной на встречу отправили хорошего профессионала, – заюлила помощница директора. – Илюша, мне нужен самый лучший. Не абы к кому идём. К депутату. А он ненавидит глупых писак.

Илья окинул взглядом наших акул пера. Все были загру-

жены работой. И только я создавала видимость бурной деятельности.

– С тобой, Тань, Ирина пойдёт, она как раз сейчас свободна, – Илья указал взглядом Павловне на меня. – И это не обсуждается.

Падловна вскинула руки к потолку, будто прося защиты, и заголосила:

– Ну как всегда. Для самого важного клиента дают того, кто еще не написал тут ничего. А я потом – разруливай сама, да? А ведь только на мне держится все. Это ж я несу деньги. Кормлю целую ораву бездельников. А мне взамен как всегда. Самого паршивого журналиста.

Но ее уже никто не слушал. Привыкшие к стандартному монологу начальницы, журналисты демонстративно напялили наушники, надеясь, что без массового слушателя Падловна не будет долго выступать. Так оно и было.

Глава 2. Встреча с депутатом

Я никогда не брала интервью у депутатов. И о чем разговаривать с ними не представляла. Чтоб не молчать на встрече, накидала на бумажку примерный перечень вопросов, надеясь, что какой-нибудь да сгодится. Несмотря на строго назначенное время, к которому мы с Падловной прибыли заблаговременно, депутат Михеев оказался занят. Нам велели ждать в кабинете секретаря. Мы присели на красивые стулья у стены и долго молчали. Хотя периодически Павловна кидала на меня презрительные взгляды и недовольно цокала. А я делала вид, что не замечаю. Наконец она не выдержала.

– Если завалишь встречу, я сделаю все, чтобы тебя выгнали. У нас не место таким как ты.

– И каким же? – поинтересовалась я, но узнать о себе «правду» не успела.

Секретарь пригласила нас в кабинет депутата.

На удивление Михеев оказался молодым и симпатичным. Меня охватило странное ощущение де жа вю. Как будто время повернулось вспять, и я оказалась в каком-то родном до боли месте. Там, где я под защитой. Где ничего плохого со мной не случится. Где никто не будет унижать. Неужели у всех депутатов кабинеты настолько воодушевляют добротой и гостеприимством? Михеев предложил присесть и пристально уставился на меня, пока Падловна здоровалась, рас-

шаркивалась, заискивала и с роскошью данайца, мечтающего раскрутить «богатого Буратину» по максимуму, дарила ему примитивную офисную канцелярию с логотипом издательства.

– Давайте-ка, Владимир Николаевич, рассмотрим с вами вариант лонгрида, – как бы ненавязчиво ввернула она самую дорогую рекламную позицию. – По стоимости чуть выше, зато какая фундаментальная подача информации в статье.

Михеев ее явно не слушал. Обескураженный, он не сводил с меня глаз. Я смущенно стала озираться по сторонам и обомлела, увидев на стене, прямо над головой депутата, огромный портрет Владимира Ильича Ленина. Портрет Ленина. Сегодня. Когда у любого чиновника в кабинете висит портрет президента. В этот момент я выдохнула и поняла, каким будет мой первый вопрос.

– Тогда наша Ирина сейчас включит диктофон и возьмёт у вас интервью, – сквозь дебри моих мыслей донёсся голос Татьяны Павловны.

Сдерживая улыбку, я со всей серьёзностью в голосе, задала первый, практически судьбоносный для моего будущего вопрос.

– Портрет Ленина – вижу. Сохранил ты его, Вова. Молодец. А где же горн? – я не узнавала свой голос, он немного дрожал. – Где же самый звонкий инструмент пионерского отряда??

Мой вопрос повис в воздухе. В полной тишине мы с депу-

татом смотрели друг на друга. Падловна одной рукой схватилась за сердце, а второй быстро закинула в рот какую-то таблетку. В мгновение по кабинету разлетелся ядовитый запах ментола.

– Владимир Николаевич, не подумайте ничего плохого, но эта Ирина у нас вообще не работает, – залепетала она. – Я ее совсем не знаю. Это кто-то свое протеже привёл, жалко же, убогая, где ей ещё работать? Мы сейчас уйдём, а потом я к вам хорошего журналиста приведу.

– Татьяна Павловна, подождите, пожалуйста, в кабинете секретаря. А мы пока сами поговорим, – улыбнулся ей депутат. – Да и я действительно должен найти горн...

На Падловну было жалко смотреть. Она явно не понимала, кто из нас сошёл с ума. Нелепо хрюкнув, она закашлялась и шатающейся походкой, без единого слова покинула кабинет. Михеев встал. Быстро подошёл к шкафу, распахнул его. Я увидела горн.

– Сохранил на память о том безумном времени.

А я так и не поняла, какое именно время он назвал безумным.

Утро в редакции было жарким. Едва я появилась, шеф меня сразу вызвал на ковер. Он шипел и орал одновременно, делясь своими мыслями обо мне после непонятного переказа этой встречи Падловной.

– Значит, депутата зовут Вова? Не Владимир Николаевич, а Вова? Кто тебя научил на «ты» разговаривать с депутата-

ми? Ты кого из себя возомнила?

Вошедшая в кабинет Падловна только подлила масла в огонь.

– Она еще к его увлечениям пристала. Не спросила, что ценного депутат сделал для общества, зато ее интересовало, какого хрена у него портрет Ленина висит. Хотя уж это журналиста никак волновать не должно. Захотел и повесил. На то он и депутат.

– Да дело в том..., – попыталась оправдаться я, но шеф перебил.

– Меня не интересует в чем. И почему у тебя сорвало крышу, тоже не интересует. Если мы провалим этот заказ, у тебя будут большие проблемы. А сейчас иди и пиши объяснительную своему бестактному, вызывающему поведению.

– Еще она его про горн спрашивала, говорила, дескать, к портрету Ильича горн нужен, чтоб полный комплект был что ли, – ябедничала Падловна.

Но директор ее уже не слушал.

– Я жду объяснительную по каждому пункту из этого интервью. А потом подумаю, что с тобой делать, – с этими словами шеф вытолкнул меня за дверь.

Глава 3. Знакомство с Валькой

Я долго думала с чего начать писать объяснительную. Начинать всегда надо с начала, а мое «начало» уходило в далекое прошлое. В советские годы, когда судьба людей была predetermined. Например, если человек хотел стать хирургом, то он учился на хирурга, становился хирургом и потом всю жизнь работал хирургом. Но моя юность угодила 90-е, которые внесли серьезные коррективы в советскую стабильность. В юности, как и все выпускницы консерватории, я мечтала стать Аллой Пугачевой. Но столкнувшись с первыми особенностями развала СССР, поняла, что на новом рынке труда «Аллы Пугачевы» не пользуются спросом вообще. Раньше, после обучения, их распределяли по деревням и весям, внося, тем самым, искусство в русскую глубинку. А сейчас мои сокурсницы очутились в многообещающем бизнесе «Гербалайф», и я последовала за ними. Посещение компании принесло мне удачу. Я познакомилась с перспективным, как мне казалось, трубачом, мечтающим стать Луи Армстронгом. Однако уже в начале 90-х коллективы оркестров учились работать без денег, за идею. Лишние Армстронги им были не нужны – своих кормить нечем. Поэтому после консерватории, мой «Луи» затарился продукцией «Гербалайф» и, не сумев продать ее, отправился трудиться на стройку. Якобы временно, пережидая, когда стра-

на снова повернётся лицом к великому искусству. А «Аллу Борисовну» с грехом пополам родители вытащили из «перспективного бизнеса», пристроив в обычную школу Организатором детского движения. Таким в 90-е после утраты пионерии, было новое название старой должности пионервожатого.

– Ну, привет, проходи. Музыкант, значит? – радостно потёрла ладошки моя первая в жизни начальница, завуч по воспитательной работе. – Это хорошо, что ты музыкант. А я Валентина Петровна. За глаза меня зовут все «Валька», но я не приветствую панибратство. Хотя тут всем клички дают. Школа ж, блин.

От такой тирады я замерла в дверях, не зная, что делать дальше.

– Да ты проходи, – добродушно распорядилась она. – Вот твой стол, правда, стула нет. Но он пока и не нужен. А потом украдёшь где-нибудь.

Повинуясь, я вошла в кабинет и встала за стол, готовая простоять за ним весь рабочий день. Неизвестность всегда пугает. И я, как и все музыканты, будучи человеком тонкой душевной организации, откровенно боялась новой непонятной работы, столпотворения безумных детей и начальницу.

– Да ты не бойся, – словно прочитала мысли Валентина Петровна. – Наша работа ответственная и динамичная. Скучно здесь точно не будет. Посмотрела на свой стол? И хватит. Вот первое задание. Пока урок не закончился,

обойди все классы. Познакомься с детьми и учителями. А заодно объяви о том, что завтра в школу надо прийти на час пораньше и принести с собой цветные мелки. Проведём с тобой конкурс рисунков на асфальте. Как тебе идея?

Я открыла рот, чтобы попросить Валентину Петровну сходить со мной хотя бы в один класс. Показать, как правильно знакомиться. Но она посмотрела на часы.

– Шевелись быстрее, пока урок не закончился. На перемене разбегутся – не соберёшь.

Завуч не поленилась поднять со стула толстый зад. Подбежала ко мне и бесцеремонно вытолкала из кабинета, демонстративно закрыв за мной дверь.

Я осталась одна в длинном школьном коридоре с множеством дверей, за которыми шёл волшебный процесс обучения. Но, несмотря на мой дикий ужас, знакомиться, оказалось, не так уж и страшно. Учителя не ругались за то, что я прерываю урок, а наоборот, радовались моему появлению. Дети почему-то шумно хихикали надо мной. Но при этом старательно записывали в дневник, что завтра в школу надо прийти за час до уроков и принести цветные мелки для участия в конкурсе. Как бы позитивно не проходило наше знакомство, что-то меня напрягало в нем. То и дело где-то глубоко в подсознании мелькала мысль о несурразице происходящего. Перед очередным кабинетом я притормозила и задумалась. По алгоритму вроде все верно. Захожу в класс, извиняюсь перед учителем, здороваюсь, представляюсь и до-

ношу информацию о конкурсе. Что же меня настораживает? Успокоив себя, что выполняю поручение строго по инструкции, решила не паниковать. До звонка обошла все классы на втором этаже, на котором и располагался наш с начальницей кабинет.

– Управилась, – отчиталась Валентине Петровне. – Правда, остался ещё третий этаж, но туда пойду после перемены.

– Молодец, – похвалила начальница, не отрывая головы от какой-то писанины. – Третий этаж обходить не надо. Там дети не учатся. Сплошные подсобные помещения и швейный кооператив. Так что сегодня можешь быть свободна, а завтра придёшь на час раньше – конкурс провести.

– Вы тоже придёте?

– А мне, зачем приходите? Тебя для чего сюда взяли? – обозлилась она.

– Так я же даже не знаю, что они рисовать должны...

– А тебе и не надо знать, – отрезала Валька. – Этот конкурс у нас проходит постоянно. Дети знают что рисовать. Что захотят, то и нарисуют. А завтра комиссия будет. Вот и увидят, что воспитательная работа у нас ведётся на высшем уровне.

Я стояла с открытым ртом и не понимала. Вопросов в голове крутилось великое множество, но ни один из них не получалось четко сформулировать.

– Чего встала как пень? Иди домой пока я не передумала, и не мешай мне работать.

Дважды выгонять меня не пришлось. Я схватила сумку и покинула кабинет. В целом, Валентина Петровна мне понравилась. Она казалась добродушной и простой тёткой, которая в лоб говорит все, что думает. Такая не будет сплетничать за спиной, и обсуждать по углам учителей. Вывалит все в лицо, и живи с этим. Даже сердилась она по-доброму, совсем не злобно. По крайней мере, так мне показалось в свой первый рабочий день.

Глава 4. Челендж на асфальте

В семь утра у школы собрались ученики. Много учеников. Я даже удивилась столь активной явке. В годы моего обучения школьники были ленивыми. Зазвать нас на общественное мероприятие можно было, но лишь пообещав пятерку по какому-нибудь сложному предмету.

– Здравствуйте, дети! – поприветствовала их я.

– Гы-гы-гы, – такой была обратная реакция, и в общем гомене вряд ли кто меня услышал.

Абстрагировавшись от шума, я решила выполнять свою работу несмотря ни на что.

– Дети, достаём мелки и рисуем на асфальте, – я замолчала, потому что не знала, что именно надо рисовать.

– Что рисуем-то? – раздался в общем гуле чей-то громкий бас.

– А рисуем то, что захотим! Яркие, позитивные картинки!

К моей радости многие школьники и, правда, достали мелки. Разложили их на асфальте, стали рисовать. Кто-то, судя по дыму, курил в кустах. Может даже не школьники. Девочки разбились на кучки. Одни нарочито громко обсуждали моду. А другие, встав в кружок, копировали учителей, жутко гримасничая и кривляясь. На асфальте рисовали преимущественно мальчики, что меня немного озадачило.

«Все правильно, все верно. Среди художников всегда бы-

ли одни мужчины. Да Винчи, Босх, Шишкин, Шагалл», – подумалось мне. В свое успокоение, я не могла вспомнить ни одну женщину-художницу. А парни рисуют активно. Их рисунков вполне хватит украсить вход в школу.

Следить за творческим процессом, мешая детям самовыражаться в искусстве, я не стала. Пока школа была пустой, надо было повернуть важное дело. По распоряжению завуча украсть где-то стул. Я же не буду всегда стоять за рабочим столом. А более удобный случай может и не представиться. На втором этаже чудом нашла незапертый класс, украли стул. Взяв у сторожа ключ от нашего с Валькой кабинета, втащила добычу и порадовалась. Стул удачно подошёл к моему столу. И по высоте, и по цвету. Я подумала, что для солидности надо приобрести блокнот и записывать в него все Валькины поручения, чтобы ничего не упустить. Да и стол он украсит – будет не так пусто.

Мои мысли прервал резкий крик. Глянув в окно, я увидела Валентину Петровну. Она стояла одна на разрисованном асфальте и истошно орала. Что именно орала не позволяли расслышать окна. Рядом с ней не было ни одного школьника. Куда они так быстро исчезли? Будто и не приходили вовсе. Хорошо хоть искусства свои оставили. Заперев кабинет, я выбежала на улицу.

– Ты где шляешься? – накинулась на меня начальница. – Где дети? Что здесь было?

Не понимая, чем вызвано ее негодование, я попыталась

четко ответить на все поставленные вопросы, отрапортовав о выполненных заданиях.

– Я искала себе стул. Дети закончили рисовать, и ушли отдохнуть перед уроками. Здесь был конкурс рисунков на асфальте, как вы велели.

– Какой здесь был конкурс? – Валька злобно прищурилась, и ее тон не сулил ничего хорошего.

– Конкурс рисунков, – хотела повторить я, но осеклась, видя, как начальница пыхтит от гнева.

Она непедагогично выругалась.

– Ты видела, что эти уроды намалевали? Где глаза твои?

К слову сказать, глаза мои всегда видели плохо. Близорукость была бедой почти всех консерваторских музыкантов, которые сутками напролёт разучивали произведения, не отрываясь от похожих на блох мелких нот. Поэтому для изучения сути детских художеств, я нагнулась. От ужаса увиденного застыла в этой неестественной позе. Асфальт школьного парадного входа был украшен примитивными набросками объектов подростковых сексуальных фантазий. Многие из них дети лаконично подписали, конкретизируя название изображения для тех, кто не понял.

– Но вы же сказали, дети знают, что рисовать, – пытаюсь оправдаться, промямлила я.

– Дети-то знают, – передразнила мою интонацию Валька. – А уроды – нет. Судя по рисункам, ты позвала на конкурс именно уродов.

В чем была разница между детьми и уродами, как отличать их, я не знала. Не поняла и где в школе учатся дети, которых следовало бы позвать на конкурс. Ведь я обошла все существующие классы, и, как выяснилось, в них учатся сплошные уроды.

– А ты что, по второму этажу ходила? – внезапно прозрела Валька.

Я кивнула.

– Так дети же учатся на первом этаже, в другом крыле здания. А у нас здесь только старшие классы. Ты что, сообразить не могла, что это детский конкурс, для малышей?

Сообразить-то может я и могла. Только как было догадаться про другое крыло, если я впервые бродила по незнакомому зданию школы. Зато теперь стало понятно, что не давало мне покоя, когда я знакомилась. Очень странно было звать подростков на конкурс рисунков на асфальте. Но и поручение было дано без уточнений. Я его выполнила, отчиталась, и начальницу все устроило. В этот момент мне показалось, что Валька почувствовала свою вину.

– Значит так. На первый раз спасу. С урока снимешь пятые классы. Они хоть не очень взрослые, но еще адекватные. Заставишь их преобразить этот позор в цветочки и кораблики.

– А мелки у них есть? – уточнила я.

– Мелки я у уродов отберу!

Валька направилась в наш кабинет, и я засеменила за ней.

Начало школьного дня неумолимо приближалось. Я глядела в окно и видела толпы, идущие в школу. Как от росписей парадного входа обалдевали учителя, смеялись детишки и возмущённо махали руками родители малышни.

Дверь в кабинет распахнулась. На пороге показался здоровенный детина, похожий на орангутанга, с такими же огромными, длинными и неуклюжими руками.

– Тебе чего, Сидоров? – спросила начальница.

– У меня украли стул, – ответил он, и подошёл ко мне.

Валентина Петровна сразу углубилась в работу, показывая всем своим видом, что сейчас ее нельзя беспокоить. Сидоров молча сгреб меня в охапку, поднял со стула и прислонил к стене. Взял стул, ткнул на него своим огромным пальцем-сосиской.

– Это мой стул. Я подписал – Сидоров, чтоб не украли. Видишь надпись? Поняла?

– Поняла, – только и смогла согласиться я.

Орангутанг ушёл и унёс стул. Валька тут же отвлеклась от своих бумаг и покачала головой.

– Никакого уважения к педагогическому персоналу. А из такой приличной семьи. Но ты не переживай, я ему за это на уроке двойку влеплю, – успокоила меня.

Дверь в кабинет снова открылась, и вошла директриса.

– Откуда взялась эта порнография на асфальте? Кто автор?

– Выясняем сейчас, Лариса Геннадьевна. Не волнуйтесь,

найдем и накажем виновных.

Директриса не волновалась. Ее голос напрочь был лишен эмоций. Она говорила так, будто объявляла на вокзале расписание поездов.

– Не просто накажем, Валентина Петровна, а вызовем в школу родителей. Поставим вопрос об отчислении.

– Ну, зачем сразу отчислять...

– А затем, что этот вопиющий факт не укладывается в голове. Школьники не просто спонтанно нарисовали гадости, а хорошо к ним подготовились. Разными цветами разукрасили. Значит, акцию подготовили заранее.

Тут Лариса Геннадьевна увидела меня.

– Да садись ты, чего вскочила как школьница?

– У меня стула нет.

Директриса вопросительно посмотрела на Вальку.

– Стул организатору не особо и нужен, – заюлила та. – Она ж не сидит на месте. Бегает по классам, с детишками работает. Такая молодец девчонка, я очень довольна.

– Но стул все равно нужен. Найти, – по-прежнему буднично и без эмоций распорядилась директриса. – Художества – закрасить. Сегодня днем комиссия, она не должна это видеть. Увидит – уволю. По статье. За организацию особо тяжкого вандализма в нашем храме знаний. Понятно?

Глава 5. Школа преобразается

Прозвенел долгожданный звонок на урок, и в школе воцарилась блаженная тишина. Будто кто-то одним касанием выключателя прервал шумное, невыносимое радио. После ухода директрисы Валька поспешила меня пристыдить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.